

«Keruen» scientific journal

M.O.Auezov Institute of Literature and Art

ISSN 2078-8134

Volume 1, Number 66 (2020)

<https://doi.org/10.53871/2078-8134.2020.1-02>

MPНТИ 17.07.41, 17.07.65

Е.И. Зейферт

Российский государственный гуманитарный университет,

Россия, Москва

elena_seifert@list.ru

**ДЕПОРТАЦИЯ СОВЕТСКИХ НЕМЦЕВ ГЛАЗАМИ РЕБЁНКА В ПОВЕСТИ:
ОПЫТ РЕФЛЕКСИИ И АВТОРЕФЛЕКСИИ
(на материале хрестоматии литературы российских немцев «В воздухе растёт
колокольня из звуков»)**

Аннотация. Материалом исследования в настоящей статье становится хрестоматия литературы российских немцев «В воздухе растёт колокольня из звуков», вышедшая вслед за антологией литературы российских немцев второй половины XX – начала XXI в. «Навстречу недоверчивому солнцу». Жанровая палитра в новом издании – роман, повесть, рассказ, миниатюра, шванк. Книга подготовлена к печати Институтом этнокультурного образования в сотрудничестве с Международным союзом немецкой культуры. В связи с заявленной нами темой – депортация советских немцев глазами ребёнка – анализируются такие произведения, как «Наш двор» Гуго Ворсмбехера, «Невыдуманный пейзаж» Олега Клинга, «Судьбы нетканое полотно» Нелли Косско, «Плавильная лодочка. Карагандинская повесть» Елены Зейферт, дающая опыт авторефлексии.

Депортация глазами ребёнка у российских немцев, как видим, показана у российских немцев по преимуществу в повести. Этот субъект – персонаж или рассказчик-персонаж. «Невыдуманный ландшафт» мерцает между романом и повестью и тяготеет к свойственным повести историческому зрению и двум сферам «своего-чужого». Жанр повести интересен авторам не только своей склонностью к одному основному сюжету, центральному персонажу, которые легко привязать к ребёнку. Константным становится историческое зрение повести. Ребёнок не осознаёт своеобразия ситуации, в которой он находится, он просто живёт, замечая необычность поведения взрослых, но оставаясь в своём детском мире, переживает цикличность времени вместе с циклами собственной жизни. Таков Саша у Клинга, Фриц у Ворсмбехера, Эмма у Косско, Марийка у Зейферт. Другая причина лежит в области внутреннего движения сюжета и хронотопа: герой удаляется из одной ценностной (и пространственно-временной) точки в другую и затем возвращается.

Ключевые слова: литература российских немцев, ребенок как персонаж и рассказчик, повесть о депортации, темы смерти, утраты, изгнания, Олег Клинг, Нелли Косско, Гуго Ворсмбехер.

Введение. Родная литература для российских немцев – не немецкая и не русская, а российско-немецкая. Она создаётся писателями – российскими немцами. Эта литература развивается под влиянием двух крупных литератур – немецкой и русской. Она малодоступна для читателя, в первую очередь потому что в советское время замалчивалась. Книги советских немцев если и издавались, то небольшими тиражами и в искажённом цензурой виде. Вследствие этого далеко не каждый российский немец

считает её родной литературой. Многие российские немцы воспитаны на русской и немецкой классической и современной литературах, а не на произведениях Виктора Кляйна, Вольдемара Гердта, Фридриха Больгера, Герольда Бельгера, Виктора Гейнца, Виктора Шнитке, Розы Пфлюг, Игоря Гергенрёдера и других российских немцев.

Методы. Материалом исследования в настоящей статье становится хрестоматия литературы российских немцев «В воздухе растёт колокольня из звуков» (В воздухе растёт колокольня из звуков, 2016), вышедшая вслед за антологией литературы российских немцев второй половины XX – начала XXI в. «Навстречу недоверчивому солнцу» (Навстречу недоверчивому солнцу, 2012). Методами исследования являются историко-литературный и сравнительно-типологический.

Результаты. Жанровая палитра в новом издании – роман, повесть, рассказ, миниатюра, шванк. Данная хрестоматия является вспомогательным учебно-практическим изданием, содержащим систематически подобранные прозаические художественные произведения и отрывки произведений, принадлежащие писателям – российским немцам. Она составлена на основе дополнительной программы «Этническая картина мира в литературе (на материале литературы российских немцев второй половины XX – начала XXI в.)», подготовленной в 2013 году Институтом этнокультурного образования, и программы спецкурса «Этническая картина мира в литературе», разработанной в 2013 году Российским государственным гуманитарным университетом.

Хрестоматия адресована слушателям курсов повышения квалификации Института этнокультурного образования, студентам, магистрантам и аспирантам филологических факультетов высших учебных заведений, преподавателям литературы, литературоведам, а также широкому кругу читателей. Книга подготовлена к печати Институтом этнокультурного образования в сотрудничестве с Международным союзом немецкой культуры. Автором-составителем является автор этой статьи.

Цель хрестоматии – познакомить читателей с художественной прозой российских немцев второй половины XX – начала XXI веков в широком диапазоне её поэтики и проблематики. Книга включает в себя произведения российских немцев, написанные на двух их родных языках – русском и немецком, допуская только авторские переводы с одного языка на другой. У «пограничной культуры значительно больше шансов, чем у культуры непограничной, избежать ограниченности» (Багно, 2014: 228).

Адресатом хрестоматии являются двуязычные, говорящие на русском и немецком языках читатели. Для монолингва, владеющего одним из этих языков, доступна лишь часть книги.

В связи с заявленной нами темой – депортация советских немцев глазами ребёнка – интересны такие произведения, как «Наш двор» Гуго Ворсмбехера, «Невыдуманный пейзаж» Олег Клинга, «Судьбы нетканое полотно» Нелли Косско и моя собственная «Плавильная лодочка. Карагандинская повесть».

Обсуждение. Депортация глазами ребёнка у российских немцев, как видим, показана у российских немцев по преимуществу в повести. Этот субъект – персонаж или рассказчик-персонаж.

Романы Олега Клинга «Невыдуманный пейзаж», «И я был там» и «Бабочка не долетит до середины реки» представляют собой трилогию. «Невыдуманный ландшафт» Олега Клинга, открывая романную трилогию, в отдельности больше тяготеет к повести. Врастая в трилогию, «Невыдуманный пейзаж» становится романом, а сам по себе мерцает между романом и повестью. По своему объёму, охвату жизненных явлений, не разветвлённым и не множественным хронотопу, сюжету, системе персонажей это произведение тяготеет к повести. Но количественный подход к роману и повести недостаточно пригоден. «Невыдуманный ландшафт» тяготеет к свойственным повести историческому зрению и двум сферам «своего-чужого». Эти признаки мы объясним ниже.

Почему именно повесть у российских немцев по преимуществу изображает депортацию глазами ребёнка? Это очевидный факт, ведь и за пределами хрестоматии

ребёнок-рассказчик и ребенок-персонаж возникают у российских немцев преимущественно в повести, в том числе у массовых, не первостепенных литераторов, которые копируют приёмы (Ольга Колпакова (Зайтц). Полынная ёлка). В зеркале подобной массовой продукции приём «депортация глазами ребёнка в повести» становится ещё более зримым.

О трагической военной и послевоенной истории российских немцев уже написано множество художественных и публицистических произведений: национальным достоянием стали романы Герольда Бельгера «Дом скитальца» и Олега Клинга «Бабочка не долетит до середины реки», художественно-публицистическое произведение Герхарда Вольтера «Зона полного покоя» и другие. Своеобразным музеем депортации является «Дом скитальца» Г. Бельгера, так как отражает «драматическую судьбу советских немцев, подвергшихся в 1941 году массовому переселению» (Зейферт, 2014: 95).

В романе Г. Бельгера «Дом скитальца» существенна мемуарная составляющая, особенно в третьей, автобиографической части произведения – «Гарри». «По избранному материалу, его достоверности и отсутствию вымысла мемуары близки исторической прозе, научным монографиям, документально-историческим очеркам. Не следует забывать, что на первом плане – личность автора, его точка зрения на происходящее» (Ананьева, Таттимбетова, Жаксылыков, 2016: 27). Особенностью художественного мастерства Г. Бельгера современные исследователи считают «цепкую детскую память, которая сохранила радужные блики невозвратной жизни немецких сел на Волге» (Мамраев, 2014: 37).

У повести особая ниша, место в которой нашлось рассказчику-ребёнку.

Вероятно, повесть в этой связи интересна авторам не только своей склонностью к одному основному сюжету, центральному персонажу, которые легко привязать к ребёнку. Константным здесь становится историческое зрение повести. «Приуроченность сюжета повести к определённому историческому моменту – в тех случаях когда она есть – по изложенным причинам достаточно условна. Изображённое в повести событие лишь частный случай и даже пример, одно из возможных и повторяющихся проявлений неизменных условий человеческого бытия. Иначе говоря, авторы извлекают это событие из принципиально открытого исторического становления мира, переводя его в циклическое время преданий, воспоминаний и моральных уроков. В романе, напротив, акцентируется своеобразие главного события, которое связано с исторической ситуацией» (Дарвин, 2011: 89). Ребёнок не осознаёт своеобразие ситуации, в которой он находится, он просто живёт, замечая необычность поведения взрослых, но оставаясь в своём детском мире, переживает цикличность времени вместе с циклами собственной жизни. Таков Саша у Клинга, Фриц у Вормсбехера, Эмма у Косско, Марийка в моей повести.

Другая причина лежит в области внутреннего движения сюжета и хронотопа: в повести «преобладает циклическая сюжетная схема: изображенный мир состоит из двух сфер, противопоставленных по признакам «своего-чужого»; в основе сюжета – ситуация неустойчивого равновесия противоположных мировых сил, а судьба героя связана с его удалением от исходной точки (места действия, а также первоначального положения и/или статуса) и последующим возвратом к ней – как в пространственно-временном, так и в ценностном планах» (Дарвин, 2011: 86).

Герой российско-немецкой повести возвращается в её финале обновлённым к самому себе. Клинг изображает приезд Саши, уже давно живущего в Москве, в город детства Сасыккольск, где его ожидают только могилы бабушки и мамы – старшей Марии и младшей Марии. Проезжая по Большому Каменному мосту у Кремля, он видит звёзды и кресты, напоминающие ему те красные звёзды и серебряные кресты, которые он видел во сне после смерти матери – весь Сасыккольск затопили воды, и лишь звёзды и кресты были над водой. Герой приезжает в Сасыккольск, и этот приезд возвращает ему «единение со всем окружающим» (В воздухе растёт колокольня из звуков, 2016: 74). Он приходит в свою квартиру, и видит, что там на пороге стоит «почти тот, прежний Саша, но на самом

деле и другой» (В воздухе растёт колокольня из звуков, 2016: 74). Теперь этот ребёнок видит невыдуманный пейзаж. В произведении возникает новый персонаж-ребёнок.

У Клингга – целая галерея автобиографических героев. Например, в романе «Бабочка не долетит до середины реки» их два – Валентин (отражающий взрослый период жизни) и Саша (детство и юность). Среднеазиатская глубинка (к примеру, вымышленный городок Сасыккольск, в котором угадывается Балхаш) и «великий город» Москва с её возможностями и утратами – вот два полюса, между которыми в разное время своей жизни формируется и бытует герой Олега Клингга. Детство и юность автобиографического героя полны перипетий, во многом обусловленных его российско-немецким происхождением. Семья немцев по фамилии Данк вместе со своими соплеменниками переживает депортацию, смерть близких, лишения, унижения. Став взрослым, герой смотрит на мир особенным взглядом, сквозь призму своего детства, ведь мир ребенка – «мир чувств и интенсивных переживаний» (Спиридонова, 2019: 438).

Интересно, что образ затопления Волгой мира, страшного для ребёнка, мы наблюдаем и у Вормсбехера в повести «Наш двор»:

«...наш двор двинулся в Волгу. Кто-то двигает наш двор в Волгу, и он всё дальше входит в неё. Ведь наш двор как большой-большой поднос. Только дно у него земляное, а по краю стенки из изгороди. Весь наш двор уже на воде.

<...>

Теперь над водой остался один мой дедушка. Это потому что он сидит на коне. Он всё так же держит одной рукой флаг, другой саблю.

Двор опускается все ниже. Скоро скроет и дедушку, и тогда я останусь совсем один на этой воде. Что мне тогда делать?.. Нет, я не хочу быть один. Я хочу быть со всеми, кто был у нас во дворе. Да, я хочу быть со всеми.

Со всеми? Значит, мне тоже надо уйти под воду? Ну да, мне тоже надо уйти под воду. Мне просто надо отпустить бревнышко. Я ведь не умею плавать на этой воде – и сразу уйду под воду. И буду вместе со всеми.

Только можно ли мне это сделать? Ведь я остался один от всех, и если я тоже уйду под воду, то не будет уже никого. Даже помнить некому будет о том, что мы были и что у нас был свой двор.

Но зачем еще помнить об этом? И почему один я должен и быть, и помнить? Я не могу больше. Я уже хотел все забыть, но не могу. Я ничего не могу забыть. Но и помнить все это и быть я тоже не могу.

Что же мне делать? Я уже так от всего устал. Я столько лет бежал к дому, который теперь под водой! Столько лет меня носит по другой воде! И столько лет я из последних сил держусь над колодезем! Я больше не могу. Я тоже хочу под воду. Чтобы все забыть. И чтобы больше не быть.

Я смотрю на дедушку: дедушка, ну можно, я тоже уйду под воду, ко всем? Зачем еще ждать? И чего ждать? Ну скажи мне, что можно. Дедушка, скажи! Ну пожалуйста!» (В воздухе растёт колокольня из звуков, 2016: 129].

Для Фрицика «наш двор» – это не только двор вокруг родительского дома, но весь его детский мир, вся жизнь вокруг него. Затопление этого мира Волгой усилено здесь бредовым, горячечным сознанием заболевшего ребёнка. Фриц видит шрамики на голове у своих родственников, они мечены с самого рождения трудной судьбой (Мотив меченых встречается и у Клингга. – *Е.З.*). Больной ребёнок видит, как тётя Ида сама себя везёт на телеге. Хотя тётя Ида – едва ли не единственный отрицательный персонаж среди российских немцев в повести, она тоже российская немка, и здесь можно проследить мотив Христа, несущего свой крест.

Метафорика у Вормсбехера поддерживает аберрацию, бредовость сознания: «А вот на крыльце и Марийка сидит. В руках она держит большой кусок красного хлеба с маслом. Она ест хлеб и смотрит на нашу Мету. Мета трётся об угол. Значит, Мета линяет, и мы с Арно скатаем мячик... А какие большие куски сахара у Марийки на хлебе!» (В

воздухе растёт колокольня из звуков, 2016: 126). Бредовыми видениями здесь является не только красный хлеб и куски сахара на нём в голодное время, но в первую очередь сама Марийка, уже угнанная в депортацию.

Обе повести Гуго Вормсбехера – «Наш двор» и «Имя вернёт победа» – знаковые российско-немецкие произведения, изображающие депортацию, трудармию и судьбу советских немцев – участников войны. Повесть «Наш двор»/«Unser Hof» бытует на русском и немецком языках. Созданная в 1969 году, в течение 16 лет она запрещалась к печати. Трагедия семьи маленького героя повести показана как концентрированное отражение трагедии российских немцев. Подтекст и восприятие через детское сознание выступают здесь для искущённого читателя как художественные приёмы «осветления» (в условиях жёсткой цензуры) и одновременно усиления драматизма событий.

Трилогия Нелли Косско «Судьбы нетканое полотно», состоящая из трёх автономных повестей («Украденное детство», «На краю земли» и «Место под солнцем»), наполнена внутренними переживаниями героев, первая повесть обращена к читателю от лица ребёнка – девочки Эммы, вместе с матерью оказавшейся в ссылке. Восприятие происходящего сквозь детское сознание и усиливает, и смягчает трагедию. Трилогия Косско, «повесть за повестью, была создана на немецком языке и бытовала под названием Die Quadratur des Kreises. Все три повести (Die geraubte Kindheit, Am anderen Ende der Welt, Wo ist das Land) по мере их создания издавались отдельными книгами» (Зейферт, 2017: 85). В хрестоматии представлены фрагменты трилогии как на русском, так и на немецком языках.

Нелли Косско приехала в Германию в 1975 году в рамках программы воссоединения семей (один из её братьев во время войны пропал без вести и, к счастью, обнаружился в ФРГ). Своё решение в 1978 году написать повесть «Украденное детство» (вслед за ней появились две другие повести. – *Е.З.*) Нелли объясняет необходимостью рассказать местным немцам в Германии правду о немцах из бывшего СССР. Нелли тогда поняла, что научных статей и эссеистики недостаточно для того, чтобы заинтересовать читателя. Нужно было произведение, созданное по законам художественного правдоподобия, увлекательное своим психологизмом и сюжетной линией.

В 2014 году издательство «МСНК-пресс» отдельной книгой выпустило авторский перевод (а во многом, по словам самого автора, *пересказ*. – *Е.З.*) произведения на русский язык (Косско, 2014: 89). Для русского читателя писательница значительно переработала своё произведение. Сокращению подверглись вторая и третья повести. Из русского текста убрано всё, что русский читатель и так знает, в то время как немецкому читателю приходилось многое объяснять, вплоть до анекдотов. Русский текст стал более художественным – в нём больше внутренних монологов, пейзажей, метафор, чем в немецком. Занимаясь «переводом всерьёз, поневоле становишься и философом, и психологом» (Метляева, 2017:112). На русском языке повести публиковались в газете «Восточный Экспресс», которой руководила Нелли Косско.

На мой взгляд, у Нелли Косско получилось два разных произведения – для русского и немецкого читателей. Однако по-немецки трилогию читать болезненнее. Немецкий язык словно плачет под пером Нелли Косско. Ведь он здесь – герой произведения, его тиранят и оскорбляют. Когда мать Эммы, Мария, при людях внезапно переходит с русского языка на немецкий (на родном языке ей легче выразить эмоции), её нередко ждут недобрые взгляды и оскорбления окружающих. Носители немецкого языка в глазах людей, переживших войну, – враги. Но российские немцы хранят язык как самое святое.

Эпиграфы к трём повестям подчёркивают масштабность и трагичность происходящего. Это цитаты из Данте, Солженицына, немецкого церковного песнопения – об аде, ссылке, поиске родины, дома. Сверхзадача этой книги – понять, как человеческое существо может выдержать голод, непосильную работу и постоянные оскорбления? Нелли Косско даёт ответ: «Но человек даже не знает, как много у него сил, сколько горя

он в состоянии вынести». Невероятный поток унижений сопровождает Эмму и её семью. Но и в этой чересполосице невзгод она замечает светлое и становится свидетелем великого обыкновенного чуда – человеческой доброты и красота мира. Немецкие военнопленные дают деньги матери Эммы. Душевным теплом одаряет униженных и оскорблённых украинка Галка. Русский майор защищает Эмму и её мать от милиционера. Эмма любит мир – к примеру, красотой Байкала.

Но Россия мерцает в сознании девочки: она противоречива – державна, величественна и враждебна.

– Мам, а где в России больше всего тюрем? – я склонилась над картой СССР, но, не получив ответа, подняла глаза на маму. Горькая, измученная улыбка скользнула по её лицу.

– Вся Россия, доченька, – сплошная тюрьма, – ответила она, беспомощно рассматривая карту (Косско, 2014: 101).

Во время правления Сталина, увы, не так много людей, взрослых и умных, сомневалось в его правоте. Но Эмма, будучи ребёнком, составила о Сталине верное мнение: «Усатый русский вождь давно уже не был мне так симпатичен, как в самом начале, когда я ещё не могла знать, что все наши несчастья от него – и голод, и нищета, и ненависть местного населения, и энкавэдэшники с их допросами. Я ненавидела русского вождя всем моим маленьким сердцем, но ничто и никто не заставил бы меня сказать об этом вслух и при других людях, кроме мамы, потому что любое неосторожное слово могло нам обоим стоить жизни – уж этот-то урок я усвоила крепко» (Косско, 2014: 104).

Интересно, что трилогия Косско, теряя рассказчика-ребёнка, постепенно теряет художественное качество – первая повесть от лица девочки самая сильная, вторая слабее, третья уступает второй.

Российско-немецкая проза напиталась сюжетами, действием. Авторы «умело подмечают и национальное, и общечеловеческое в образах своих героев, и на этом пути единства разнообразия несомненно ждут их новые художественные открытия» (Бельгер, 2014: 364). Теперь её путь – вглубь, к метафизике языка. Я сейчас сама как прозаик предпринимаю попытку очертить этот путь, выполнить эту задачу. В моей «карагандинской повести» «Плавильная лодочка» все сложные для российских немцев времена протекают одновременно, меняются только пространства, их декорации и одежды. Повествование всегда идёт в настоящем времени и синхронно, будь то изображение эмиграции из Германии в Россию, раскулачивания, войны, депортации, трудармии, эмиграции из России в Германию. Это рассуждение «непосредственно включено в повесть как текст в тексте, представляя собой авторский метатекст, который приоткрывает завесу тайны творчества и мироощущения автора» (Ананьева, Габдуллина, 2019: 469).

В повести высокая концентрация метафоры в сочетании с фактографией, метафора является «одним из основных средств порождения нового знания» (Алмабаева, Артыкова, Калиева, 2017: 129). Документ и история раздвигают метафорику повести. Порой комментарии к повести показывают читателю, что он воспринял как метафоры реалии. Главный герой здесь – язык с его метаморфозами, метафизикой и способностью к рождению. Повесть написана на русском языке, но герои говорят на немецком языке XVIII века (Люка и его семья), на диалекте поволжских немцев (Марийка, Лидия, Марк Феликс, Фридрих и другие), современном немецком языке (Юлиан). В постраничных примечаниях я даю перевод их диалогов на русский язык.

При лирической густоте тем не менее есть и общая фабула, и отчётливые фабулы-прожилки частных судеб. Люка Зигфрид приезжает с семьёй в Россию, морем из Любека, попадает в Ораниенбаум, затем обозом идёт через Москву в Поволжье. По дороге умирает его сын Пауль. Чужая земля принимает в себя первую жертву. Но она становится родной. В 1914 году в бедной немецкой семье в Донцке растёт Роза. В 1931 году семья Лидии в процессе раскулачивания попадает из поволжского села Лилиенфельд в Караганду. Здесь

у Лидии рождается и сразу умирает ребенок, её бросает муж, она одна. В 1941 году шестилетняя Марийка (Йекель) из села Глабус попадает в Караганду, она теряет маму, судьба её отца и братьев неизвестна. Марийка – из рода Люки Зигфрида. Лидия берёт её жить к себе, становится ей мамой. В трудовую армию (Карлаг) попадает из Поволжья Марк Феликс, он сходит с ума, его бросают умирать в посёлке Транспортный цех. Здесь ему помогают выжить.

В Карлаге оказывается и брат Розы, Фридрих, бывший боевой лётчик. Он изувечен пытками, гниёт рука, ему её отнимают, он при смерти. Тоже «списанный» в Транспортный цех, Фридрих приходит там в себя и становится пастухом. Появляется родная мать Марийки с младшим сыном. Изгнанников в Караганде окормляет батюшка Севастиан. Сердце Лидии мечется между Марком Феликсом и Фридрихом. Роза и Фридрих, сестра и брат, находят после войны друг друга. В дальнейшем сын Марийки и дочь Розы станут мужем и женой. Внучки Анна и Йоханна выберут разные страны для проживания, Анна – Россию, Йоханна – Германию. В Германии протекает любовная линия Йоханна (она потомок Люки) – Юлиан (у них рождается мальчик Люка.). В России любовная линия Анна – Кирилл.

По жанровому объёму повесть тяготеет к роману, занимает мерцающее положение между романом и повестью.

Марийка здесь – важнейший персонаж: через неё вводится многоплановая фабула, именно её глазами мы впервые видим трагедию.

Повесть пронизана мотивами младенца, рождающегося вовнутрь. Проследим появление этого мотива повести: «Советские немцы как царственный гротескный младенец. С лицом Екатерины II, он возлежит на красной бархатной подушке. Две причудливые изумрудно-красные птицы смотрят ему в рот. В его пухлой ручке – цветы с розовыми лепестками, пелёнки и чепец расшиты серебром. В жёстком коконе возлежит он, пеленальщик постелил под ним горностаевую мантию. Не двинуться, не вздохнуть ребёнку в серебре. Грубая рука пеленальщика похожа на кнут. Кокон пелёнки как тигель, узкий, жарко-пламенный, графитовый мешок. Ребёнок ждёт рождения вовнутрь, повитуха бродит в его недрах».

«Младенец, почти оформившийся младенец с алыми пяточками трогается в сторону своей родины».

«Рушится хрусталь; сколоты, звенят дни. Всюду взвесь, бред. Больно спелёнутый младенец заходится в крике. Люди! Бросьте мне с неба лодку, пусть она вывернется наизнанку в воздухе и упадёт на днище! Пусть упадёт на живот! Знает ли ангел эту глубокую точку в ритме, эту вмятину на собственной переносице, прыжок в рыхлую землю? На его лице семь печатей. Ему ли зализывать раны детям, развешивать грубые холстины и пелёнки на непросохшем небе, вить свитки? Ему».

«Ах, Роза, Роза, цветные лоскутки в волосах, маленькие руки. Живущий на небе растёт из-под земли, дым уходит в синь. Как кусок почвы, ангел встаёт и уходит в проём неба, корни свисают с его локтей, корчатся разбуженные им духи земли. Фридрих узнает вкус неба. Поверни голову, лётчик, увидишь, как шествует сильное существо. Хватаясь за волосы, ангел размыкается, и тысячи гонимых проходят в его глотку, создавая столпотворение, пробуя стены на вкус. Руки матери и младенец пока разлучены».

«Младенец Христос, дрожа всем телом, встаёт из яслей, он держит на руках другого младенца, у того жар. Праздник света. Во тьме спасённого мира расцветает костёр. Луч бьёт в колодезь сарая».

«Зигфрид не корни, а ствол дерева. Умершая веточка Пауля на обозе, дочка Эльзы на барже, сын Лидии и Виктора в саманном бараке: они часть младенца и весь он одновременно. Спелёнутые советские немцы неохотно ложатся в карагандинскую землю, их мышцы сводит до судорог, их гуленьё и лепет поднимаются над землёй. Царственный младенец, достань мне с неба целую не расколотую звезду, побалуй меня подарком, я поцелую твою пяточку».

«Одно из самых приятных ощущений человека – прикосновение еля ко лбу. Когда тело отдыхает, это приятнее его труда. Когда душа трудится, это приятнее её отдыха. Алая пяточка сияет под потолком храма, и весь младенец, родившись, скоро воспарит к куполу».

Младенец в повести то проявляет себя как конкретный ребёнок – изображены три смерти маленьких детей (умирает сын Люки и Ханны – Пауль; умирает новорождённый сын Лидии и Виктора; на барже умирает дочь Эльзы), изображено спасение новорождённого Каспара в горящем доме в Гларусе, рождение ребёнка Йоханны и Юлиана – Люки; то сопрягается с образом младенца-Христа; то вбирает в себя всех депортированных советских немцев в условиях, в которых они скоро станут младенцем, ещё раз родятся, но теперь вовнутрь себя. Родившийся таким образом младенец тоже божественный.

Первая часть двухчастной повести называется «Пеленальщик». Пеленальщик здесь и тиран, и исполнители при тоталитарном режиме, и сами советские немцы, перерождающие себя в новых условиях.

Плавильная лодочка в моей повести не только форма для выплавки, роста, рождения человека вовнутрь, не только графитовый мешок с его несвободой, темнотой, смертью, но и подобие дома (лодочка) при вынужденной динамике изгнания.

К каждой главке своей «карагандинской повести» «Плавильная лодочка» даю два предложения, которые похожи и на фабульные подзаголовки, и на авторские эпиграфы, и на ключи, и на мистификацию:

Изгнанник укачивает в себе дом.

Марийка течёт жидкой металлической речкой.

Марк Феликс сжимался, проглатывал себя в кувырок.

На языке воя он говорил с существами гуманнее людей.

Вертикальный самолёт стоит в ангаре.

Мяч луны возвращён зрелому небу.

Ресницы его теперь цвета губ, цвета языка.

Если церквушку закопать в землю, можно ходить по небу и задирать к нему голову в поясном поклоне.

Человек и сам то драгоценен, то вторичен, как розовый лепесток в воздухе или в меду.

Марк Феликс жадно берёт в руки сухую землю, забивает ею себе рот.

Выводы. Ребёнок-персонаж (и ребёнок-рассказчик) в повести российских немцев словно принимает на себя их трагедию, пропуская её сквозь свой светлый мир. Страдания ребёнка усиливают драматизм событий, в то время как детское восприятие смягчает его. Приём введения ребёнка в ткань повести позволяет показать историческую ситуацию внутри этапа жизни человека как сферу в сфере. Протяжённость жизни человека от ребёнка до взрослого или даже зрелого состояния позволяет развернуть мотив возвращения героя к его ценностному миру.

Е.И. Зейферт

Ресей мемлекеттік гуманитарлық университеті

Ресей, Мәскеу

elena_seifert@list.ru

**ПОВЕСТЕГІ БАЛАНЫҢ КӨЗІМЕН КЕҢЕС НЕМІСТЕРІНІҢ ЖЕР
АУДАРЫЛУЫ: РЕФЛЕКСИЯ ЖӘНЕ АВТОРЕФЛЕКСИЯ ТӘЖІРИБЕЛЕРІ
(«Дыбыстар қоңырауы ауада шарықтайды» ресей немістері әдебиетінің
хрестоматиясы материалы бойынша)**

Аңдатпа. Бұл мақалада «Сенімсіз күнге қарсы жүру» деп аталатын ХХ ғ. екінші жартысы – ХХІ ғ. басындағы ресей немістері әдебиетінің антологиясынан кейін шыққан «Ауада дыбыстардың қоңырауы шарықтайды» деп аталатын ресей немістері әдебиетінің хрестоматиясы зерттеу материалы ретінде қарастырылды. Жаңа басылымның жанрлық палитрасы – роман, повесть, әңгіме, миниатюра, шванк. Бұл кітапты баспаға Этномәдени білім беру институты мен Халықаралық неміс мәдениетінің одағы бірлесіп дайындаған. Біздің ұсынып отырған тақырыбымызға сәйкес – баланың көзімен кеңес немістерінің жер аударылуы – авторефлексия тәжірибесін беретін Гуго Ворсмбехердің «Біздің аула», Олег Клигтің «Ойдан шығарылмаған пейзаж», Нелли Коссконың «Тоқылмаған тағдырлар», Елена Зейферттің «Балқыту қайығы. Қарағандылық повесть» сияқты туындылары талданды.

Ресей немістерінің жер аударылуы баланың көзімен берілген, көріп отырғанымыздай, повесте ресейлік немістер көбірек көрсетілген. Субъект – кейіпкер немесе баяндаушы-кейіпкер. «Ойдан шығарылмаған пейзаж» роман мен повестің екі ортасында болғанмен, тарихи повестке жақынырақ келеді, «өзімдікі-бөтен» деген екі саланы да қамтиды. Повестің жанры авторларға өзінің бір негізгі сюжетке бейімделгендігімен ғана емес, орталық кейіпкердің бала болғандығымен де қызықты. Повесте тарихилық көзқарас тұрақтылыққа айналады. Бала өзі көрген жағдайдың ерекшелігін түсінбесе де, ол сол ортада үлкендердің мінез-құлық ерекшеліктерін байқап жай ғана өмір сүреді, ол өзінің балалық әлемінде жүрсе де, сол уақыттың кезеңдерін өз өмірінің кезеңдерімен бірге бастан кешіреді. Клигтің Сашасы, Ворсмбехердің Фрицы, Коссконың Эммасы, Зейферттің Марийкасында да дәл осылай. Келесі себеп сюжет пен хронотоптың ішкі қозғалысының аясында жатыр: кейіпкер бір құндылықтан (және кеңістік-уақыт) басқа құндылыққа алыстап кетіп, кейін қайта қайтарылады.

Кілттік сөздер: ресей немістерінің әдебиеті, әрі кейіпкер әрі баяндаушы бала, жер аудару туралы повесть, өлім, қаза, қуылу тақырыптары, Олег Клиг, Нелли Косско, Гуго Ворсмбехер.

E.I. Zeyfert

Russian State Humanitarian University Institute of Ethnocultural Education
Moscow, Russia
elena_seifert@list.ru

**DEPORTATION OF THE SOVIET GERMANS THROUGH THE
EYES OF A CHILD IN THE NOVELETTE: EXPERIENCE OF
REFLECTION AND AUTOREFLECTION
(as exemplified in the anthology of literature of the Russian Germans «The rumble of
sounds is in the air»)**

Summary. Data for study in the present article is the anthology of literature of the Russian Germans «The rumble of sounds is in the air» having been issued following the anthology of the Russian Germans literature of the second half of the XX – early XXI century «Towards the mistrustful sun». A genre palette of the new edition is the following: a novel, a novelette, a story, a miniature and a schwank. The book has been prepared for printing by the Institute of Ethnocultural Education in cooperation with the International Union of the German Culture. Due to the announced subject, i.e. deportation of the Soviet Germans through the eyes of a child, such works as «Our Yard» by Gugo Vorsmbekher, «The Nonfictional Landscape» by

Olega Klinga, «The Nonwoven of Fate» by Nellie Kossko and «The Melting Boat. The Karaganda novelet» by Elena Zeyfert, giving the experience of an autoreflexion, are analyzed.

Deportation of the Russian Germans through the child's eyes is shown at the Russian Germans mainly in the novelette; the subject is the character or the story-teller character. «The Nonfictional Landscape» by O. Klinga flickers between the novel and the story. Its poetics gravitates toward the specific for the novelette historical sight and two spheres of «friend or foe». The genre of the novelette is interesting to the authors not only with the tendency to one main plot, the central character which is easy for attaching to the child. Constant is the historical sight of the novelette. The child can't realize the originality of the situation which he is in. He just lives, noticing singularity of adults' behavior remaining at that in the children's world. He experiences recurrence of time altogether with the cycles of his own life. Such is Sasha of Klinga, Fritz of Vormsbekher, Emma of Kossko and Mariyka of Zeyfert. The other reason lies in the sphere of the internal movement of the plot and chronotope: the hero leaves from one valuable (and an existential point) in another and then comes back.

Keywords: literature of the Russian Germans, the child as the character and the story-teller, the story about deportation, subjects of death, loss, exile, Oleg Kling, Nellie Kossko, Gugo Vormsbekher.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Алмабаева Г.Б., Артықова Е.О., Қалиева А.Ж. (2017). Когнитивная теория метафоры // Известия Национальной академии наук РК. Серия общественных и гуманитарных наук, 2017. – 3-том. – С. 125-129 (каз.).
- [2] Ананьева С.В., Зейферт Е.И. (2014). Немецкая литература. Литература народа Казахстана. – Алматы, Казахстан: КАЗакпарат, 2014. – С. 153-201 (рус.).
- [3] Ananyeva S., Tattimbetova K., Zhaksylykov A. (2016). The author's self-reflection in narratology of I.P. Shegolikhin. // Journal of Language and Literature (Scopus), 2016. – Vol. 7, 3. – С. 26-32 (англ.).
- [4] Ананьева С.В., Габдуллина В.И. (2019). От концепта дома – к концепту Родины // Мир науки, культуры, образования (РИНЦ), 2019. – Т.2. – С. 468-470 (рус.).
- [5] Багно В.Е. (2014). Пограничные культуры между Востоком и Западом: Россия и Испания. Миф – Образ – Мотив (Русская литература в контексте мировой). – Санкт-Петербург, Россия: издательство Пушкинского дома, издательство «Вита Нова», 2014. – С.214-228 (рус.).
- [6] Бельгер Г. (2019). Образы российских немцев в казахской литературе. Литература народа Казахстана. – Алматы, Казахстан: КАЗакпарат, 2019. – С.354-365 (рус.).
- [7] В воздухе растёт колокольня из звуков = In der Luft wächst ein Glockenturm aus Lauten. // Хрестоматия по литературе российских немцев второй половины XX – начала XXI века: Проза / Автор-составитель и отв. Ред Е.И. Зейферт. Москва: РусДойч Медиа (рус., нем), 2016.
- [8] Дарвин М. (2011). Теория литературных жанров. Учебное пособие / Под ред. Н.Д. Тамарченко. Москва: Издательский центр «Академия», 2011 (рус.).
- [9] Зейферт Е. (2014). «Дом скитальца» Герольда Бельгера: книга-музей. Великий немец Великой степи. – Алматы, Казахстан: Издательский дом «Библиотека Олжаса», 2014. – С.95-106. (рус.).
- [10] Зейферт Е. (2017). Литература российских немцев. Мировой литературный процесс: контент, направления, тренды. – Алматы: Ғылым ордасы, 2017. – С.72-98 (рус.).
- [11] Косско Н. (2014). Судьбы нетканое полотно. – Москва: МСНК-пресс, 2014 (рус.).
- [12] Мамраев Б. (2014). «Я весь – литература...». Великий немец Великой степи. Алматы, Казахстан: Издательский дом «Библиотека Олжаса», 2014. – С.35-45. (рус.).
- [13] Метляева М. (2017). Перевод как часть литературного процесса в теоретической мысли Западной и Восточной Европы (Россия, Румыния, Молдова) (109-149). Мировой литературный процесс: контент, направления, тренды. – Алматы: Ғылым ордасы, 2017. – С. 109-149. (рус.).
- [14] Навстречу недоверчивому солнцу. Антология литературы российских немцев второй половины XX – начала XXI в. Der misstrauischen Sonne entgegen/ Anthologie der Literatur der Russlanddeutschen der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts – Anfang des. Jahrhunderts / Под общ. ред. Е.И. Зейферт. Ред. коллегия: О.К. Мартенс, С.В. Ананьева, Г.И. Данилина и др. – Москва: МСНК-пресс, 2012 (рус.).
- [15] Спиридонова Г.С. О психологизме детской литературы (на примере русской литературной сказки). // Мир науки, культуры, образования (РИНЦ), 2019. – Т. 2. – С. 438-441 (рус.).

ӘДЕБИЕТ

- [1] Алмабаева Г.Б., Артықова Е.О., Қалиева А.Ж. (2017). Метафораның когнитивтік теориясы. // Қазақстан Республикасының Ұлттық Ғылым Академиясының Хабарлары. Қоғамдық және гуманитарлық ғылымдар сериясы, 2017. – 3-том. – 125-129 б. (каз.).
- [2] Ананьева С.В., Зейферт Е.И. (2014). Неміс әдебиеті. Қазақстан халқының әдебиеті. – Алматы, Қазақстан: КАЗакпарат, 2014. – 153-201 б. (орыс.).
- [3] Ананьева С., Тәттімбетова К., Жаксылыков А. (2016). И.П. Шеголихин нарратологиясындағы автор авторефлексиясы. // Тіл және әдебиет журналы (Скопус), 2016. – 7-том – 26-32 б. (ағыл.).

- [4] Ананьева С.В., Габдуллина В.И. (2019). Үй концептісінен – Отан концептісіне. // Ғылым, мәдениет, білім әлемі (РИНЦ), 2019. – 2-том – 468-470 б. (орыс.).
- [5] Багно В.Е. (2014). Шығыс пен Батыстың арасындағы шекаралық мәдениет: Ресей мен Испания. Миф – Бейне – Сарын (Әлем әдебиеті контекстіндегі орыс әдебиеті). – Санкт-Петербург, Ресей: Пушкин үйі баспасы, «Вита Нова» баспасы, 2014. – 214-228 б. (орыс.).
- [6] Бельгер Г. (2019). Қазақ әдебиетіндегі ресей немістерінің бейнелері. Қазақстан халқы әдебиеті (354-365). – Алматы, Қазақстан: ҚАЗАқпарат, 2019. – 354-365 б. (орыс.).
- [7] Ауада дыбыстар қоңырауы шарықтайды = In der Luft wächst ein Glockenturm aus Lauten (2016). XX ғ. екінші жартысы – XXI ғ. басындағы ресей немістері әдебиетінің хрестоматиясы: Проза / Автор-құрастырушы және жауапты ред. Е.И. Зейферт. – Мәскеу: РусДойч Медиа, 2016 (орыс., нем.).
- [8] Дарвин М. (2011). Әдеби жанрлардың теориясы. Оқу құралы / Ред. Н.Д. Тамарченко. – Мәскеу: «Академия» баспа орталығы, 2011 (орыс.).
- [9] Зейферт Е. (2014). Герольд Бельгердің «Кезбенің үйі»: кітап-мұражай. Ұлы даланың ұлы немісі. – Алматы, Қазақстан: «Олжас кітапханасы» баспа үйі, 2014. – 95-106 б. (орыс.).
- [10] Зейферт Е. (2017). Ресей немістерінің әдебиеті (72-98). Әлемдік әдеби үдеріс: контент, бағыттар, трендтер. – Алматы: Ғылым ордасы, 2017. – 72-98 б. (орыс.).
- [11] Косско Н. (2014). Тоқылмаған тағдырлар. – Мәскеу: МСНК-пресс, 2014 (орыс.).
- [12] Мамраев Б. (2014). «Мен толығымен – әдебиетпін...». Ұлы даланың ұлы немісі – Алматы, Қазақстан: «Олжас кітапханасы» баспа үйі, 2014. – 35-45 б. (орыс.).
- [13] Метляева М. (2017). Батыс және Шығыс Еуропаның (Ресей, Румыния, Молдова) теориясында аударма әдеби үдерістің бір бөлігі ретінде (109-149). Әлемдік әдеби үдеріс: контент, бағыттар, трендтер. – Алматы: Ғылым ордасы, 2017. – 109-149 б. (орыс.).
- [14] Сенімсіз күнге қарсы жүру. XX ғ. екінші жартысы – XXI ғ. басындағы ресей немістері әдебиетінің антологиясы. Der misstrauischen Sonne entgegen/ Anthologie der Literatur der Russlanddeutschen der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts – Anfang des 21. Jahrhunderts / Жалпы ред. басқарған Е.И. Зейферт. Ред. алқа: О.К. Мартенс, С.В. Ананьева, Г.И. Данилина және басқалар. – Мәскеу: МСНК-пресс, 2012. (орыс.).
- [15] Спиридонова Г.С. Балалар әдебиетіндегі психологизм туралы (орыс әдебиеті ертегілерінің мысалында) (2019). // Ғылым, мәдениет, білім әлемі (РИНЦ), 2019. – 2-том – 438-441 б. (орыс.).

REFERENCES

- [1] Alambayeva G.V., Artykova E.O., Kaliyeva A.Zh. (2017) Cognitive theory of metaphor. Izvestiya of national academy of the RK. Series of social and humanitarian sciences. 3:125-129 (in Kaz.).
- [2] Ananyeva S.V., Seifert E.I. (2014) German literature. National literature in Kazakhstan. Almaty, Kazakhstan: KAZakparat. p.153-201 (in Russ.).
- [3] Ananyeva S., Tattimbetova K., Zhaksylykov A. (2016). The author's self-reflection in narratology of I.P. Shegolikhin. Journal of Language and Literature (Scopus). 7(3): 26-32 (eng.).
- [4] Ananyeva S.V., Gabdullina V.I. (2019). From the concept of “Home” – to the concept of “Homeland”. Mir nayki, kul'tury, obrazovaniya (Russian Science Citation Index). 2:468-470 (in Russ.).
- [5] Bagno V.E. (2014). Borderline cultures between East and West: Russia and Spain. Myth – Image – Motive (Russian literature in the world context). Saint Petersburg, Russia. Publishing house of Pushkin House «Vita Nova». p.214-228. (in Russ.).
- [6] Belger G. (2019). Images of Russian Germans in Kazakh literature. Kazakh people's literature (354-365). Almaty, Kazakhstan: KAZakparat. p.354-365. (in Russ.).
- In the air bell tower ring arise = In der Luft wächst ein Glockenturm aus Lauten (2016). [7] Chrestomathy on literature of Russian Germans in the second part of XX – beginning of XXI century: Prose / Author-compiler and executive editor E.I. Seifert, Moscow: Russ-German Media (in Russ., in Ger.)
- [8] Darwin M. (2011). Theory of literary genres. Textbook / Edition of N.D Tamarchenko. Moscow: Publishing center “Academia”(in Russ.).
- [9] Seifert E. (2014). «House of wanderer» of Gerold Belger: museum-book. Great German of Great steppe. Almaty, Kazakhstan: Publishing house «Olzhas library». p.95-106. (in Russ.).
- [10] Seifert E. (2017). Literature of Russian Germans. World literary process: content, directions, trends. Almaty: Gylым ordasy (in Russ.).
- [11] Kossko N. (2014). Non-woven envelope of fate. Moscow: MSNK-press (in Russ.).
- [12] Mamrayev B. (2014). «I am fully involved in literature...». Great German of Great steppe (35-45). Almaty, Kazakhstan: Publishing house «Olzhas library». p.35-45. (in Russ.).
- [13] Metlyayeva M. (2017). Translation as a part of literary process in the theoretical thought of East and West Europe (Russia, Romania, Moldova). The world's literary process: content, directions, trends. Almaty: Gylым ordasy. p.72-98. (in Russ.).
- [14] Towards the suspicious sun. (2012) Anthology of Russia Germans literature of the second part of XX – beginning of XXI century. Der misstrauischen Sonne entgegen/ Anthologie der Literatur der Russlanddeutschen der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts – Anfang des 21. Jahrhunderts / Under edition of E.I. Seifert: O.K. Martens, S.V. Ananyeva, G.I. Danilina and others. Moscow: MSNK-press (in Russ.).
- [15] Spiridonova G.S. (2019). About psychologism in children's literature (on the example of russian literary tale. Mir nayki, kul'tury, obrazovaniya (Russian Science Citation Index). 2:438-441 (in Russ.).